

Изъ давняго прошлаго въ Ясной Полянѣ.

Нодъ живыми впечатлѣніями отъ совершившихся въ Астаповѣ и Ясной Полянѣ весьма скорбныхъ событій каждому невольно приходитъ на мысль Левъ Николаевичъ. Каждому хочется найти въ своей памяти что-либо относящееся къ этому великому поборнику высокихъ идеаловъ любви, добра и правды, человѣку, своимъ личнымъ исканіемъ религіозной истины заставившему призадуматься надъ ней весь міръ.

Такъ и мнѣ, читатель, живо нарисовалась въ памяти картина моего перваго личнаго свиданія съ Львомъ Николаевичемъ, живо припомнились рассказы о немъ близкихъ къ нему людей.

Въ іюлѣ 1880 года мнѣ пришлось быть въ селѣ Кочекахъ у родственника, бывшаго въ то время священникомъ этого села и законоучителемъ дѣтей графа Льва Николаевича, Василя Ивановича Карницкаго. Въ это время въ домѣ Льва Николаевича предполагался домашній спектакль. На этотъ спектакль былъ приглашенъ съ семействомъ и о. Василій. Съ семействомъ о. Василя поѣхалъ на спектакль и я. Живо помнится мнѣ, что, когда мы подъѣхали къ дому графа, было около 8 часовъ вечера. Подъ раскидистой липой, предъ входомъ въ домъ, было много гостей и среди нихъ Левъ Николаевичъ. Всѣ играли въ крокетъ. Левъ Николаевичъ, увидѣвъ насъ, подошелъ къ повозкѣ, повидался съ о. Василемъ, его семействомъ, и затѣмъ о. Василій представилъ графу и меня, какъ брата, уже извѣстныхъ ему, моихъ двухъ старшихъ братьевъ. Левъ Николаевичъ, обмѣнявшись со мною нѣсколькими словами, пригласилъ меня въ столовую, гдѣ намъ предложенъ былъ чай. Своею привѣтливостью, простотой въ обращеніи, искренностью и задушев-

ностью своей рѣчи графъ очаровалъ меня. Я очень былъ радъ видѣть его и любоваться его могучимъ видомъ!..

Напившись чаю, я перешелъ въ театральнѣй залъ, гдѣ я впервые увидѣлъ все его семейство, усердно работавшее по приготовленіямъ къ спектаклю. Спектакль прошелъ очень оживленно. Въ немъ принимали участіе Левъ Львовичъ, Сергѣй Львовичъ, Татьяна Львовна, какой-то молодой и очень красивый князь, кажется, исполнялъ роль Курчагина, и др.

Въ числѣ зрителей было два видныхъ въ то время писателя. Послѣ спектакля, окончившагося около 12 часовъ, мы уѣхали домой.

Утромъ, за чаемъ, мы начали дѣлиться впечатлѣніями отъ спектакля. О. Василій при этомъ очень много говорилъ мнѣ о Левѣ Николаевичѣ. Много рассказывалось мнѣ объ образѣ жизни Льва Николаевича, о его любви бесѣдовать съ крестьянами и помогать имъ. Для оказанія помощи крестьянамъ онъ, обыкновенно, каждую субботу выѣзжалъ верхомъ на осликѣ въ село и раздавалъ нуждающимся по три рубля на семью. Кромѣ того, по рассказамъ о. Василя, Левъ Николаевичъ любилъ посѣщать и его церковь, но эта любовь его продолжалась не долго. Въ описываемый періодъ времени, по свидѣтельству о. Василя, у графа происходилъ внутренній переломъ. Графъ чего-то искалъ, чего-то ему не доставало. Въ это время графъ путешествуетъ съ своимъ лакеемъ въ одеждахъ простыхъ крестьянъ и лаптяхъ въ Оптину Пустынь къ извѣстному въ то время старцу, Амвросію. Объ этомъ путешествіи самъ графъ рассказывалъ о. Василю въ такомъ видѣ. „Когда пришелъ я, говорилъ графъ, въ эту пустынь и попросилъ себѣ для отдыха отдѣльную комнату, то мнѣ сказали: „ишь захотѣлъ, сиволапый, отдѣльной комнаты, иди, вонъ тамъ въ подвалѣ для васъ мѣсто“; не менѣе грубый отвѣтъ мнѣ былъ, когда я попросилъ самоварчика. Къ о. Амвросію меня не допустили. Такъ было бы и дальше, если бы, случайно, не обнаружили моего инкогнито. А это такъ случилось. Въ Оптинѣ получилось письмо на мое имя. Начали меня искать среди богомольцевъ и скоро узнали меня по перстню на рукѣ, который я забылъ снять. Когда же я былъ узнанъ, отношенія ко мнѣ измѣнились; самъ Амвросій пригласилъ меня къ себѣ. „Въ заключеніи своего рассказа о посѣщеніи Оптиной Пустыни Левъ Николаевичъ характерно высказалъ, что и „тамъ различаютъ лапти съ сапогами“ и что „о. Амвросій хорошій старикъ, но священное писаніе плохо знаетъ“.

Н. П. С.

